

общая ли это сегодня забота всех социалистических литератур, включая советскую?

В целом же картина современной болгарской литературы, с должной объективностью представленная в статьях исследователей, выглядит впечатляюще. Ясно видишь главное, что определяет ее высокий идейный и творческий тонус: прочную, неразрывную связь с народной жизнью, с процессами социалистического строительства. Стремясь глубоко, по-исследовательски осмыслить животворные революционные изменения в материальном и духовном бытии народа, болгарские писатели ищут и находят пути к новаторским художественным открытиям, утверждающим гуманистические законы социализма, величие и красоту рожденного им человека-создателя, человека-коллективиста. При всей естественной сложности и неоднозначности процессов, отмечающих развитие болгарской литературы, писатели и критики Народной Болгарии имеют достаточные основания говорить о неуклонном творческом росте своей литературы. Все это не только дает право, но и обязывает, как справедливо напоминает Д. Марков в статье «Долг ученого, долг гражданина», рассматривать ее достижения в общем потоке социалистической — и шире — мировой литературы, поставить ее опыт «в контекст мирового художественного развития».

О важнейшем условии, обеспечивающем этот знаменательный подъем болгарской литературы, кратко, но исчерпывающе сказано в выступлении хорошо известного в Болгарии и у нас поэта Младена Исаева: «Партия болгарских коммунистов, которая в этом году отметила свой 80-летний юбилей, всесторонне помогает писателям создавать произведения, проникнутые высоким гуманистическим и революционным пафосом... Этот ленинский подход к вопросам руководства литературой и искусством приносит благотворные результаты».

«Болгарская» книжка «Вопросов литературы» получила удачную, содержательную, а главное — представляющую непосредственный творческий интерес для всех, кого волнуют большие проблемы и задачи, стоящие сегодня перед художниками слова братских социалистических стран.

Л. НОВИЧЕНКО

АПОЛЛОН ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Леопольд Стафф. Избранная лирика. Составление и перевод Асара Эшпеля. Москва, «Молодая гвардия», 1971. 79 стр.

Леопольд Стафф родился в 1878 году во Львове. Первая книга его стихов «Сны о могуществе» была издана поэтом за собственный счет и вышла в свет в начале XX века. Сильное дарование Стаффа с первых его шагов в литературе было с восторгом признано читателями и критикой. Ско-

чался поэт в 1957 году. Все без исключения польские поэты этого времени — в большей или меньшей мере ученики и последователи Стаффа. «...короткое слово «Стафф» мы связываем с долгой эпохой, которую ты создал в истории нашей поэзии», — писал своему другу и учителю Юлиан Тувим. Действительно, в стихах Стаффа — этого «Аполлона поэзии польской» (Галчинский) — намечены основные пути и направления развития польского стихотворческого искусства первой половины XX столетия.

Стафф — автор семнадцати книг. Понятно, что в небольшой книжке «Избранной лирики» (в ней около шестидесяти стихотворений) ее составитель и переводчик не мог представить поэтическую деятельность Стаффа с исчерпывающей полнотой. Но тем не менее сложный путь поэта — от модернистских туманов начала века к трезвости деятельного участника послевоенного восстановления Польши — прослежен здесь убедительно и наглядно.

Вот начало:

...И поглядим, как звезды посеет ночь
над нами...
Взойдет посев небесный и станет людям
снами.

Вот строфа из последнего стихотворения книги:

Я пел и вольность, и свободу,
И ветру был я побратимом.

Между этими стихами — огромный пятидесятилетний путь польской лирической поэзии, искавшей нехоженых дорог, подвижницы рыцарственной польской культуры, не затихавшей в подполье, сражавшейся на варшавских баррикадах, строившей новую жизнь на развалинах старой.

Леопольд Стафф — классик новой польской поэзии; близкое знакомство с ним необходимо для нашей культуры, и работа Асара Эшпеля пришлась как нельзя более кстати. Нужно отметить что «Молодая гвардия» делает нужное дело, издавая (пусть небольшие пока!) сборники избранной зарубежной лирики, занимающие почетное место в библиотеках любителей стихотворного искусства. Эти сборники выходят большей частью в хороших переводах, снабжены вполне достаточными для первого знакомства статьями знатоков той или другой литературы, внешне приятны для глаз и общедоступны по цене.

Переводчик стихов Стаффа Асар Эшпель одинаково хорошо владеет и строгим традиционным стихом, и стихом свободным (а в последних своих сборниках Стафф не чурался верлибра). Женственное звучание польской силлабика переводчик интерпретирует, пользуясь средствами русской метрики, причем в переводах стихи не теряют своеобразного очарования мелодики подлинника.

Теперь я погонюсь «за двумя зайцами», процитирую несколько четверостиший из позднего стихотворения Стаффа «Первая

СРЕДИ КНИГ

прогулка» (по разоренной войной Варшаве), чтобы продемонстрировать его как бы застенчивый, наискромнейший, абсолютно правдивый реализм — и в то же время переводческое искусство Асара Эпшеля:

...Трамваев нет. Стоят домов останки.
Старуха продает в дверном проеме
Сырые несъедобные баранки...
Ступеньки снова скрипнут в нашем доме.
Пусты витрины. Заперты киоски.
Покинут и печален мир смятенный.
Слепец убогий разложил расчески...
Мы снова обречем родные стены.

Зевает кот лениво под стеною.
Знакомые сошлись у перекрестка...
Опять в ларьке появится съестное,
Вновь забренчит молочника повозка.
Пройдут года. Забудем о разгроме.
Потерянному сыщутся замены...
Ступеньки снова скрипнут в нашем доме,
Мы снова обречем родные стены.

От первых опытов Стаффа до этого стихотворения прошло больше сорока лет, по землям родины поэта прокатились две чудовищные войны, причем глаз одного из ураганов — варшавского восстания — был здесь, в центре мира поэта. Так вот какой страшной ценой приобретен его поэтический опыт! Вот откуда эта почти фотографическая правдивость, вот откуда эта непререкаемая уверенность надежды! И как повезло читателю, узнающему стихотворение польского поэта в прекрасном русском переводе!

Как пример искусства Стаффа — Эпшеля я процитирую пятистрочное (верлибр!) стихотворение «Вечер», приводящее на память и лирику Гёте, и японские танки:

В лодке лежу я.
В тиши вечерней.
Звезды надо мной.
Звезды подо мной.
Звезды во мне.

То, что книга объединяет работу только одного переводчика — я уверен, — ее несомненное достоинство: здесь соблюдено единство стиля русской интерпретации подлинника.

В послевоенные годы в русских переводах издано немало книг польских поэтов — вкуче и порознь. Своеобразная и пленительная поэзия нашей западной сестры для нас теперь — не сокровище под семью замками: мы успели узнать и полюбить ее. Будем же благодарны за это и переводчикам, чье имя порой (как в этой книге) стыдливо прячется на обороте титульной страницы.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ НАПОКАЗ

Мюриэл Спарк. На публику.
Перевод с английского. Составление
и предисловие В. Скороденко. Москва,
«Молодая гвардия», 1971. 318 стр.

Парованию маститой английской писательницы Мюриэл Спарк присуще нечастое сочетание язвительной

сатиры и тонкого психологизма. Однотомник «На публику» в полной мере демонстрирует обе грани ее творческой индивидуальности: в повести «Баллада о предместье» доминирует сатира; в повести, давшей название сборнику, Спарк выступает зрелым мастером-психологом; рассказы являют собой любопытный синтез — психологическую сатиру.

Скептический, насмешливый глаз писательницы зорок. Ему доступно многое. Что, казалось бы, может быть общего в судьбе преуспевающей кинозвезды Аннабел Кристофер («На публику») с жизнью ограниченных мещан одного из лондонских предместий («Баллада о предместье»)? Но Спарк без труда обнаруживает и безжалостно обнаруживает эту общность: большинство ее героев живет не для себя, а «на публику», причем самой строгой «публикой», естественно, оказываются ближайшие соседи.

Сквозная тема Спарк — осмеяние обывателя, его ожесточенного стремления быть «как все», не нарушать от века установленных норм «правильного» поведения. Пожалуй, наиболее оригинально и неожиданно вершит писательница суд над обывательским образом мышления в повести «Баллада о предместье». Жизнь в предместье Пекхэм течет размеренно и ровно. Мотивы поведения людей диктуются преимущественно страстью к накопительству и желанием подняться вверх по социальной лестнице.

Дугал Дуглас, изучающий «настроение персонала» на одной из фабрик Пекхэма, фигура несколько условная и фантастическая, а в глазах почтенных обывателей предместья даже немного устрашающая. Спарк наделяет его внешними приметам, дающими ему возможность при случае намекать на связь с нечистой силой — двумя бугорками на голове и великолепным даром подражания и перевоплощения. Но даже самый неискушенный читатель поймет, что в этом образе нет ничего мистического. Это всего лишь особый сатирический прием — введение, так сказать, беса-

